

Александр Восьмой

**Сказка: Улитка
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

Сказка: Улитка (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка: Улитка (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор», 2026

В тихом городке Дымовка случается чудо — или проклятие: на окраину заползает гигантская улитка, которую жители ласково зовут Васей. Из её перламутрового панциря появляются консервные банки с тушёнкой, по вкусу неотличимой от курицы. Сначала это кажется благословением: город богатеет, прилавки ломаются от товара, а каждый ужин дарит странное, щемящее чувство чего-то родного. Но вскоре Дымовка сталкивается с бедой: люди начинают слышать шёпот в пустых банках, видеть чужие сны и забывать собственные воспоминания. Юная Лина, изобретательный Тоша и мудрый Игнат отправляются в мистический лес, чтобы раскрыть тайну Васи. Их ждёт путь сквозь густой, живой туман, встречи с воплощениями утраченных воспоминаний и откровение Хранителя: Вася — не монстр и не дар, а древний хранитель памяти мира. Героям предстоит сделать тяжёлый выбор и научить город не потреблять прошлое, а беречь его.

Александр Восьмой

Сказка: Улитка (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тень на горизонте: когда город ещё не знал про Васю»

Город Дымовка жил по своим правилам — он просыпался не с криком петухов, а с лязгом старых вагонов, которые, казалось, цеплялись за рельсы из последних сил. Рельсы обрывались у самого поля, будто кто-то в спешке отрезал конец истории. Дальше начинались холмы, покрытые сухой травой, и небо, которое здесь всегда казалось чуть ближе, чем в других местах.

На окраине, где фонари зажигались раньше обычного — будто боялись темноты, — стояла водонапорная башня. Её ржавые бока хранили шрамы от ветров, а на самом верху, в тесной будке, сидел старый смотритель Игнат. Он знал каждый скрип башни, каждый шорох ветра. И потому первым заметил тень.

Сначала он подумал, что это облако. Но облака не ползли по земле, не стелились по склонам, как густой туман. Потом решил — пыльная буря. Только пыль не отливала перламутром, не мерцала так, будто внутри неё прятались осколки закатов.

— Что за чертовщина... — пробормотал Игнат, прижимая к глазам потрёпанную подозорную трубу.

Тень обретала форму. Гигантская, неторопливая, она двигалась с пугающей уверенностью, словно знала: ей здесь самое место. И когда очертания сложились в нечто, напоминающее улитку, у Игната похолодели пальцы.

— Улитка... Да чтоб меня... — он сглотнул, чувствуя, как в груди сжимается что-то острое, тревожное.

В это же время Лина бежала по узким улочкам, ловко огибая лужи и ящики, выставленные у лавок. Её косички подпрыгивали в такт шагам, а в кармане гремел набор гаечных ключей — подарок от Тоши. Лина обожала всё, что можно разобрать и собрать заново. Даже город казался ей огромным механизмом, где у каждой двери есть своя шестерёнка.

Она спешила к мастерской. Тоша терпеть не мог опозданий, хотя сам вечно терялся в деталях. Вот и сейчас он стоял у верстака, склонившись над старым будильником, который, по слухам, когда-то отсчитывал время для самого мэра.

— Ты опять забыла про масло для петель, — буркнул Тоша, не поднимая глаз. Его пальцы двигались с точностью часового механизма — чёрные от смазки, но удивительно ловкие.

— А ты опять забыл про обед, — фыркнула Лина, вытаскивая из кармана кусок пирога. — Но я не об этом. На холмах что-то странное. Люди шепчутся.

Тоша наконец поднял взгляд. В его глазах мелькнуло то самое выражение, которое Лина знала лучше всех: смесь скепсиса и скрытого азарта.

— Странное — это когда кошка лает. А если люди шепчутся, значит, кто-то уронил мешок картошки.

Лина закатила глаза.

— Ну пойдём. Хоть раз не будь каменной стеной.

И он пошёл. Не потому, что поверил, а потому, что знал: если Лина говорит «надо», значит, действительно надо.

Они поднялись на пригорок, откуда открывался вид на поля. И там, на фоне багровеющего неба, двигалось нечто огромное. Перламутровое. Живое.

— Это... улитка? — прошептала Лина, чувствуя, как по спине пробегает холодок, смешанный с восторгом.

— Если это улитка, то я — принц из книжки, — пробормотал Тоша, и впервые за долгое время в его голосе не было привычной сухости. Там звенело что-то новое — удивление, граничащее с благоговением.

Тем временем Игнат уже спускался по скрипучим ступеням башни, сжимая в руке трубу так, будто она могла защитить его от того, что надвигалось. Он добежал до площади, где люди собирались кучками, тыкали пальцами в сторону холмов и перешёпывались.

— Оно ползёт! — выкрикнул кто-то.

— Да это просто тень! — возразил другой.

— Тени не светятся!

Голос Игната прорвался сквозь гул:

— Это улитка! Огромная! И она идёт сюда!

Толпа замерла. Потом снова зашумела, но теперь в этом шуме слышался не просто интерес — в нём звенел страх.

А улитка продолжала ползти. Её панцирь переливался, как раковина, в которой спрятан целый океан закатов. И с каждым её движением воздух становился гуще, насыщеннее, будто сам город затаил дыхание.

Вдруг что-то блеснуло у основания панциря. Что-то металлическое.

— Банка? — прошептал кто-то рядом с Линой.

Действительно, из-под гигантского тела улитки выкатилась консервная банка. Тёплая, блестящая, с этикеткой, на которой не было ни слов, ни цифр — только странный узор, похожий на завитки дыма.

Лина сделала шаг вперёд, не слушая криков Тоши, который пытался её удержать. Она наклонилась, подняла банку. Та была тяжёлой, но не холодной — будто её только что достали из печи.

— Не трогай! — крикнул Тоша, но Лина уже крутила банку в руках, разглядывая узор.

В этот момент улитка медленно повернула глаза-стебельки. И посмотрела прямо на Лину.

Не зло. Не враждебно. Просто... внимательно. Как будто пыталась что-то сказать без слов.

Площадь взорвалась криками. Кто-то бросился бежать, кто-то застыл на месте, а кто-то уже тянулся к банке, будто к сокровищу.

Тоша схватил Лину за руку и рванул её в сторону переулка.

— Бежим! Пока не началось!

Они мчались по узким улицам, слыша за спиной топот, крики и странный, низкий гул, будто сама земля вибрировала от тяжести улитки.

Когда они наконец остановились у мастерской, задыхаясь, Лина всё ещё сжимала в руке банку.

— Зачем ты её взяла? — прохрипел Тоша, упираясь руками в колени.

— Потому что она... не просто банка, — ответила Лина, глядя на узор, который вдруг показался ей знакомым, будто она видела его во сне.

В этот миг город Дымовка перестал быть просто городом. Он стал местом, где начинается история. История о гигантской улитке по имени Вася, о консервах, которые пахнут курицей, и о том, как одно странное существо может перевернуть жизнь целого города.

А на окраине, у холмов, Вася остановилась. Её панцирь мерцал в последних лучах солнца, а из-под него тихо выкатывались новые банки — ровно, ритмично, будто отсчитывая время до чего-то важного.

До чего-то, что изменит всё.

Глава 2. «Вася выходит на свет: первое знакомство»

Рассвет в Дымовке всегда наступал не сразу, а будто по частям: сначала розовел край неба, потом загорались крыши, потом просыпались тени в переулках. Но в это утро рассвет будто споткнулся о нечто огромное.

Вася выползла к городским окраинам ровно тогда, когда первые лучи коснулись ржавых крыш. Её панцирь вспыхнул перламутровым огнём — словно в нём застыли сотни закатов, перемолотых в тонкую пыль света. Каждый завиток переливался, будто внутри раковины пряталась целая вселенная.

А след, который она оставляла за собой, был не просто мокрым и блестящим — он светился тусклым серебристым светом, как будто улитка тянула за собой полосу лунного пути. Свет не угасал, не тускнел, а пульсировал в такт её медленному, величественному движению.

Жители, собравшиеся на окраине, замерли. Кто-то вжался спиной в стену, кто-то застыл с поднятой рукой, будто собирался махнуть, но забыл зачем. Дети притихли — а в Дымовке дети редко молчали. Даже собаки перестали лаять, только нервно дёргали ушами, чуя что-то, чего не могли назвать.

— Это не чудовище, — прошептал кто-то.

И правда. В этом существе не было ярости, не было угрозы. Оно двигалось с такой неторопливой уверенностью, что казалось почти... домашним. Будто это не гигантская улитка, а старый кот, который наконец-то вернулся после долгого отсутствия.

Лина стояла впереди всех, сжимая в руке ту самую банку, которую подобрала вчера. Пальцы её побелели от напряжения, но она не отводила взгляда. Рядом, чуть сзади, Тоша сжимал гаечный ключ, словно это могло пригодиться в разговоре с улиткой.

— Не подходи близко, — тихо сказал он, но Лина его не слушала. Она смотрела, как Вася медленно поворачивает глаза-стебельки.

Они двигались плавно, без спешки, будто улитка не торопилась никого напугать. И когда эти глаза остановились на толпе, в воздухе повисла тишина — такая плотная, что можно было резать ножом.

И вдруг, прямо у основания панциря, что-то шевельнулось. Тихий, влажный звук, похожий на вздох. И из-под массивного тела выкатилась консервная банка.

Тёплая. Тяжёлая. С аккуратной этикеткой, на которой не было ни букв, ни цифр — только узор, напоминающий завитки дыма или следы от дождя на стекле.

Кто-то из толпы сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Рука потянулась к банке, дрогнула, но всё же схватила её.

— Горячая... — прошептал мужчина, прижимая банку к груди, будто это было сокровище, а не кусок металла.

Напряжение, висевшее в воздухе, начало рассыпаться. Изумление вытеснило страх. А изумление быстро сменилось жадным интересом.

— Ещё! — выкрикнул кто-то.

— Сколько их будет?

— А что внутри?

Толпа зашевелилась, зашумела, начала сжиматься вокруг места, где лежала банка. Лина почувствовала, как мир вокруг неё становится опасным — не из-за улитки, а из-за людей.

— Отойдите! — крикнула она, сама не понимая, откуда в её голосе взялась такая сила.

Но её почти не слышали. Толпа накатывала, как волна, готовая смыть всё на своём пути.

Тоша резко шагнул вперёд, выставив руку, будто мог удержать эту волну.

— Стойте! Вы не знаете, что это!

Но в этот момент Вася снова шевельнулась. Не угрожающе, не агрессивно — просто чуть приподняла край панциря. И из-под него выкатились ещё три банки. Одна за другой, ровно, ритмично, будто отсчитывая удары сердца.

Толпа ахнула. Кто-то бросился собирать банки, кто-то начал спорить, кому какая достанется. В воздухе запахло азартом, жадностью и чем-то ещё — чем-то, что Лина не могла назвать, но что заставляло её сердце биться быстрее.

Вдруг из переулка выбежал Игнат, старый смотритель водонапорной башни. Его седые волосы стояли дыбом, а глаза горели не страхом, а чем-то похожим на озарение.

— Не трогайте их голыми руками! — закричал он, размахивая потрёпанной подозрительной трубой.

Но было поздно. Банки уже разошлись по рукам. Люди прижимали их к себе, крутили, разглядывали, будто пытались разгадать тайну, спрятанную внутри металла.

— Откройте одну! — выкрикнул кто-то.

— Да, откройте!

В центре толпы молодой парень с дрожащими руками начал возиться с крышкой. Металл скрипнул, поддался. И в тот момент, когда крышка отскочила, по воздуху поплыл запах — тёплый, родной, такой знакомый, что у многих на глазах выступили слёзы.

Курица. Пряные травы. Дым костра. Вкус детства.

Первая ложка попала в рот, и по толпе прокатился вздох — не удивления, а узнавания. Это была не просто еда. Это было воспоминание.

Лина почувствовала, как у неё на секунду перед глазами мелькнул чужой двор: качели, привязанные к старому дубу, чашка на подоконнике, солнечный луч, падающий на пол. Образ вспыхнул и погас, оставив после себя странное чувство — будто она на мгновение стала кем-то другим.

Тоша заметил это. Он схватил Лину за плечо.

— Ты в порядке?

Она кивнула, но не была уверена. Что-то изменилось. Не в мире — в ней.

А Вася всё так же медленно двигалась вперёд, оставляя за собой светящийся след и новые банки. Её глаза-стебельки снова повернулись — на этот раз прямо на Лину. И в этом взгляде не было ни угрозы, ни злобы. Только тишина. Спокойствие. И что-то похожее на ожидание.

Словно улитка знала: самое интересное ещё впереди.

На окраине города начиналась новая эпоха. Эпоха, в которой еда могла рассказывать истории, а гигантская улитка по имени Вася становилась не просто чудом, а ключом к чему-то большему. И никто ещё не знал, к чему именно.

Глава 3. «Вкус, который меняет всё: первая проба»

Городская столовая Дымовки всегда пахла одинаково: горячим хлебом, луком и паром, поднимавшимся от больших кастрюль. Но сегодня этот привычный запах будто отступил, сжался в угол, уступая место чему-то новому — тёплому, пряному, до боли знакомому.

В центре зала, на тяжёлом дубовом столе, стояла открытая банка. Крышка лежала рядом, блестя, как маленький щит. Над содержимым поднимался лёгкий пар, и в нём, казалось, прятались не просто ароматы, а целые истории.

Мэр, седой и важный, с лицом, привыкшим к решениям, наклонился над банкой. Его пальцы дрогнули, когда он взял ложку. В столовой повисла тишина — такая плотная, что Лина слышала, как стучит её собственное сердце где-то в горле.

Тоша стоял рядом, сжимая в руках гаечный ключ, будто это был талисман. Он не сводил глаз с мэра, будто ждал знака: будет ли это благословение или проклятие.

Игнат, старый смотритель башни, замер у двери. Его морщинистые руки были сцеплены так крепко, что костяшки побелели. Он шептал что-то себе под нос — то ли молитву, то ли предупреждение.

Ложка коснулась содержимого. Мэр зачерпнул немного, поднёс к губам. И когда первый кусочек попал ему в рот, его лицо на мгновение разгладилось, будто с него стёрли все годы забот. Глаза закрылись. А потом по залу прокатился вздох — не удивления, а узнавания.

— Курица... — прошептал мэр, и голос его звучал не как у главы города, а как у мальчика, который снова оказался на кухне у бабушки.

По столовой прокатилась волна. Кто-то всхлипнул. Кто-то рассмеялся, сам не зная почему. А кто-то просто замер, прижав руку к груди, будто пытался удержать что-то, что вот-вот могло выскользнуть.

Лина стояла в задних рядах, но чувствовала этот запах так остро, будто он обволакивал её целиком. Тёплый, родной, с лёгкой сладостью, как будто мясо томили на открытом огне, пока небо не становилось фиолетовым.

Когда очередь дошла до неё, её рука дрогнула, но она всё же взяла ложку. Первая ложка была осторожной, почти робкой. Вторая — уже смелее.

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

Перед глазами Лины вспыхнул чужой двор. Старый дуб с глубокими бороздами на коре. Качели, привязанные к ветке верёвками, потрёпанными дождями. Чашка на подоконнике с трещиной в форме молнии. Солнечный луч, падающий на пол, такой яркий, что слепило глаза.

Это длилось всего секунду. Может, две. А потом образ растаял, как утренний туман, оставив после себя странное чувство — будто она на мгновение стала кем-то другим. Будто прожила чужую маленькую жизнь.

Лина моргнула. Вернулась в столовую. Но мир вокруг уже казался чуть другим — чуть более хрупким, чуть более полным тайн.

Тоша заметил, как она побледнела.

— Что с тобой? — спросил он, хватая её за руку.

Она хотела сказать «ничего», но не смогла. Вместо этого прошептала:

— Я видела чей-то двор. Как будто это было моё воспоминание... но я там никогда не была.

Тоша нахмурился. Его взгляд метнулся к банке, потом к людям, которые теперь тянулись к ней, как к источнику света.

— Это неправильно, — пробормотал он.

Но в столовой уже не слушали. Город разделился на два лагеря. Одни ели, закрывая глаза от удовольствия, будто возвращаясь домой. Другие отходили в сторону, скрещивали руки на груди и смотрели на происходящее с тревогой.

— Это чудо! — кричал лавочник, облизывая ложку с таким восторгом, будто только что открыл секрет вселенной.

— Или проклятие, — тихо произнёс Игнат, подходя к Лине и Тоше. Его голос был хриплым, но твёрдым. — Еда не должна показывать чужие сны.

Мэр уже не сидел за столом. Он ходил по залу, пожимал руки, улыбался, будто только что подписал самый выгодный контракт в своей жизни.

— Мы будем продавать это! — объявил он, и его голос эхом разнёсся по столовой. — Это наш шанс! Дымовка станет известна на весь мир!

Кто-то аплодировал. Кто-то шептал: «А что, если это опасно?» Но эти голоса тонули в общем гуле восторга.

Внезапно дверь столовой распахнулась, и в зал ворвался порыв ветра. Он пронёсся между столами, взъерошил волосы, заставил пламя в лампах дрогнуть. И в этом порыве ветра Лина услышала тихий, едва уловимый звук — будто где-то далеко плакала скрипка.

Все замерли. Даже те, кто только что смеялся.

А потом с улицы донёсся низкий, вибрирующий гул. Он шёл не от машин, не от поездов — он шёл от земли. От чего-то огромного и живого.

Вася.

Она была рядом.

Толпа рванулась к окнам. Сквозь мутные стёкла было видно, как на окраине города мерцает перламутровый панцирь. Вася медленно двигалась, оставляя за собой светящийся след, и из-под неё, ровно и ритмично, выкатывались новые банки.

Одна. Вторая. Третья.

Как будто она знала, что город уже не сможет остановиться.

— Нужно что-то делать, — прошептал Тоша, глядя на Лину. В его глазах читалась не паника, а решимость. — Пока это не вышло из-под контроля.

Лина кивнула. Она чувствовала, что вкус курицы — это не просто вкус. Это ключ. Или ловушка. И если они не разберутся, что происходит, город может потерять не только рассудок, но и самих себя.

Они выскользнули из столовой, пока все смотрели на Васю. Улица встретила их прохладным воздухом и тишиной, которая теперь казалась обманчивой.

— Куда теперь? — спросил Тоша.

Лина посмотрела в сторону водонапорной башни, где на фоне темнеющего неба чернел силуэт Игната. Он махал им рукой, призывая подойти.

— К Игнату, — сказала Лина. — Он знает больше, чем говорит.

Они побежали по узким улочкам, мимо домов, чьи окна теперь казались глазами, следившими за каждым их шагом. Ветер гнал по мостовой сухие листья и обрывки бумаг. Где-то вдали снова прокатился низкий гул — Вася продолжала свой путь, оставляя за собой не только банки, но и вопросы, на которые пока не было ответов.

А в столовой люди всё ещё ели. И с каждой ложкой их воспоминания становились чуть менее своими, а чужие истории — чуть более реальными.

Город Дымовка стоял на пороге перемен. И никто ещё не знал, станут ли эти перемены благословением или самой большой ошибкой в его истории.

Глава 4. «Рынок на площади: как город учится торговать чудесами»

Площадь Дымовки, прежде служившая местом для редких ярмарок и торжественных речей мэра, теперь превратилась в бурлящий, сверкающий, почти безумный рынок. Ещё вчера здесь было тихо, а сегодня воздух звенел от голосов, криков, стука ящиков и шёпота, который перерастал в гул.

Банки с тушёнкой расставили рядами, как драгоценности в витрине королевского музея. Каждый ряд — отдельный «класс»: самые блестящие, будто только что вынырнувшие из перламутрового панциря, стояли в центре, под навесом из полосатой ткани; чуть дальше — те, что успели остыть, но всё ещё хранили тепло; в самом дальнем углу — пустые банки, которые теперь тоже шли в ход: их скупали коллекционеры, алхимики и просто те, кто верил, что даже пустая тара хранит в себе отголосок чуда.

Цены росли с каждой минутой. Сначала банки отдавали за пару монет и кусок пирога, потом — за старые часы, за серебряную ложку, за обещание починить крышу. А теперь за одну банку давали столько, сколько раньше платили за целую корзину овощей.

Слухи множились быстрее, чем успевали их пересказывать. Говорили, что тушёнка продлевает молодость. Что она показывает во сне будущее. Что если съесть три ложки подряд, можно вспомнить имя того, кто тебя когда-то любил и кого ты забыл. Кто-то смеялся над этим, кто-то записывал рецепты «правильного употребления», а кто-то уже открывал лавки с названиями вроде «Вкус воспоминаний» и «Банка счастья».

Лина пробиралась сквозь толпу, прижимая к груди потрёпанный блокнот. Она пыталась записывать, что говорят люди, но слова сливались в один сплошной поток, как дождь по стеклу.

— Пять банок за сапоги! — кричал торговец рыбой, размахивая руками так, будто хотел взлететь.

— Нет, за сапоги — семь! И ещё мешок картошки в придачу! — возражал другой, и голос его дрожал от азарта.

В центре площади, на деревянном ящике, стоял мэр. Его лицо сияло, как начищенный самовар. Он хлопал людей по плечам, улыбался, обещал, что скоро Дымовка станет знаменитым городом, куда будут приезжать со всех концов света.

— Это наш золотой век! — выкрикивал он, и толпа отвечала ему радостным рёвом.

А чуть в стороне, в тени старой аптеки, Тоша сидел на корточках, склонившись над одной из банок. В руке у него была лупа — потрёпанная, с треснувшим стеклом, но всё ещё способная увеличивать мир в несколько раз. Он водил стеклом над этикеткой, пытаясь разобрать странные завитки, похожие на дым или следы дождя.

Но стоило ему задержать взгляд чуть дольше, чем на секунду, как символы начинали расплываться, будто смеялись над его стараниями. Они скользили, меняли форму, складывались в узоры, которые тут же рассыпались, не давая себя поймать.

Тоша чертыхнулся и отложил лупу.

— Бесполезно, — пробормотал он, потирая глаза. — Они не хотят, чтобы их прочитали. Лина присела рядом, заглядывая через его плечо.

— Может, это и не нужно, — сказала она тихо. — Может, тайна — это и есть их главная ценность.

Тоша фыркнул, но в его взгляде не было насмешки — только усталость и тревога.

— Когда тайна стоит денег, она перестаёт быть тайной. Она становится товаром.

Словно в подтверждение его слов, рядом раздался резкий голос:

— Эй, мальчишка! Продай банку! Я дам тебе за неё всё, что попросишь!

Тоша поднял голову. Перед ним стоял незнакомец в длинном плаще, с лицом, наполовину скрытым тенью. Его глаза блестели слишком ярко, слишком жадно.

— У меня нет банок на продажу, — холодно ответил Тоша.

— А если я предложу тебе золото? Настоящие золотые монеты?

— Мне не нужно золото.

Незнакомец прищурился, будто пытался разглядеть в Тоше что-то, чего не видел никто другой.

— Ты не такой, как все. Ты видишь в этом не чудо, а загадку.

И прежде чем Тоша успел ответить, незнакомец растворился в толпе, оставив после себя только запах пыли и ощущение, что за ними теперь следят.

Лина поежилась.

— Не нравится мне это, — прошептала она.

Тоша кивнул. Он тоже чувствовал: город меняется не только снаружи. Меняются люди. Их глаза становятся чуть более блестящими, чуть менее спокойными. В них появляется огонёк, который горит слишком ярко, чтобы быть добрым.

Внезапно на площади поднялся крик.

— Он украл! Он украл банку!

Толпа качнулась, как волна, и Лина с Тошей увидели, как двое мужчин сцепились у прилавка. Один сжимал в руке банку, другой тянулся к ней, рыча, как зверь. Их лица исказились, стали почти неузнаваемыми.

— Отдай! Это моя! Я первый её увидел!

— Я заплатил за неё! У меня есть право!

Кто-то попытался их разнять, но его оттолкнули. Ещё секунда — и кулаки полетели в лица, а крики перекрыли даже шум рынка.

Мэр сорвался с ящика, размахивая руками, пытаясь навести порядок, но его голос тонул в общем рёве.

— Спокойно! Всем спокойно! Мы всё решим!

Но «спокойно» уже не работало. Чудо, которое должно было объединить город, начало его раскалывать.

Лина схватила Тошу за рукав.

— Нам нужно к Игнату. Он поймёт, что делать.

Они рванулись сквозь толпу, лавируя между прилавками, перепрыгивая через ящики, уворачиваясь от размахивающих рук. Воздух был густым от запахов: горячего хлеба, жареной рыбы, пота, страха и чего-то ещё — того самого тёплого, пряного аромата, который теперь витал над всей площадью, как невидимый дым.

Когда они наконец выскочили на узкую улочку, ведущую к водонапорной башне, Лина остановилась, чтобы перевести дух. Её сердце колотилось где-то в горле, а в ушах всё ещё звенели крики.

Тоша прислонился к стене, закрывая глаза.

— Мы не можем просто стоять и смотреть, как город сходит с ума, — прохрипел он.

Лина кивнула. Она знала: впереди будет хуже. Потому что чудо, которое нельзя понять, всегда пугает. А чудо, которое можно продать, — разжигает жадность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.